

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С80

Серия «Даниэла»

Danielle Steel
LOVING

*Перевод с английского
Компьютерный дизайн А.И. Смирнова*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Morton L. Janklow Associates и Prava I Prevodi
International Literary Agency.

Стил, Даниэла.

С80 Мечта : [роман] / Даниэла Стил ; пер. с англ. —
Москва : АСТ, 2015. — 351, [1] с.

ISBN 978-5-17-083769-4

Это история Беттины — сильной женщины, твердо знавшей, чего она хочет.

История знаменитой актрисы, на которую молились миллионы поклонников, и ее долгого, трудного пути к славе и популярности. В жизни Беттины было все — успех и неудачи, ошибки и везение, мужчины, которые использовали ее и предавали, и мужчины, которые были готовы ради нее на все. Она любила и страдала, боролась и побеждала — и твердо верила, что рано или поздно сумеет найти дорогу к настоящему счастью...

**УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44**

ISBN 978-5-17-083769-4

© Danielle Steel, 1989
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Полна надежды,
живу мечтой,
вижу солнце
сквозь сумрак густой.

Исчезли тени,
свет в небесах,
любишь! — читаю
в твоих глазах.

И вот — уходишь,
и нет света,
осталась одна,
кончилось лето.

Как будто лава
кипит в мозгу,
чего боялась —
то наяву.

Душа пуста,
тебя в ней нет,
а я — стара,
хоть мало мне лет.

Себя боюсь,
таких, как ты...
но вновь наполняют
меня мечты.

Не те, что прежде, —
ведь человеку
дважды ступить
не дано в одну реку.

И только ближе к концу поняла
и место свое, и цели:
все — преходяще,
все — нереально,
любовь лишь — на самом деле.

Даниэла Стил
Куплеты

— *Всамделишных не делают на фабрике
игрушек, — назидательно сказала Деревянная
Лошадка. — Ими становятся.*

*Если с тобой играют
долго-долго, и не просто играют,
а любят — любят
на самом деле, — вот тогда ты и становишься
всамделишным.*

— *Это больно? — спросил Кролик.*

— *Иногда очень, — честно ответила
Деревянная Лошадка.*

Она всегда говорила правду.

— *Но если ты всамделишный — никакая
боль тебе не страшна.*

— *А всамделишными становятся сразу? —
спросил Кролик. — Например, вечером лег,
а утром — ты уже всамделишный, или ими
становятся постепенно?*

— *Сразу всамделишными не становятся, —
ответила Деревянная Лошадка. — Только
постепенно. И притом не скоро. Тут главное —
чтобы тебя за это время не сломали,
не залюбили, а вообще-то у всех всамделишных
потертая шерстка, истрепанные уши
и потускневшие глаза. Это все потому,
что их очень много любили.*

*Может, у тебя перестанут гнуться лапки
и вообще ты станешь некрасивым.*

*Но все это будет не важно: ежели ты —
всамделишный, ты не можешь казаться
безобразным. Так могут считать только
посторонние. Став всамделишным, ты навсегда
останешься им.*

*Марджери Уильямс
Плюшевый Кролик*

БЕАТРИСЕ

*Ты можешь всегда гордиться собой,
ибо ты — самая прекрасная
из всех девушек.*

*С любовью,
мама*

Глава 1

Беттина Дэниелз обвела взглядом облицованную розовым мрамором ванную комнату, улыбнулась и вздохнула. У нее осталось всего полчаса. Но и этого вполне достаточно, чтобы из обыкновенной школьницы превратиться в прекрасную хозяйку званого вечера. Она привыкла тщательно готовиться к такой метаморфозе. Уже пятнадцать лет Беттина была верным адъютантом своего отца, сопровождая его везде и всюду, общаясь с репортерами, отвечая на телефонные звонки его поклонниц, своим присутствием поддерживая его на рекламных шоу, посвященных выходу в свет его очередной книги. Надо сказать, сочинения Джастина Дэниелза в рекламе вряд ли нуждались. Последние семь книг без труда заняли верхние строчки в списке бестселлеров, который регулярно публиковался в газете «Нью-Йорк таймс», но так уж положено — новинки надо раскручивать.

Джастину нравилось это занятие. Он любил предстать перед публикой во всем великолепии и потешить свое самолюбие. Женщины находили его неотразимым, принимая автора за героя его романов. **5**

Даже Беттина не избежала этого. Непринужденные манеры, неизменное очарование, остроумие, красота — все это делало общение с ним приятным и заманчивым. Подчас забывалось, каким он может быть самолюбивым, эгоистичным, безжалостным. Но Беттина знала его и с хорошей, и с плохой стороны и, несмотря ни на что, очень любила.

Отец был для нее кумиром, спутником, лучшим другом. За много лет она успела хорошо изучить все его недостатки и слабости, пороки и тайные страхи, но еще она знала, что ее отец — человек незаурядных достоинств и у него добрая душа. Она любила его всем сердцем и понимала, что так будет всегда. Случалось, он подводил ее, невольно причинял боль, забывая о своих обещаниях приехать в школу в дорогие для нее дни премьер любительских спектаклей или показательных спортивных состязаний. Ему удалось внушить Беттине, что молодые люди скучны и лучше проводить время в обществе его друзей.

Джастину никогда не приходило в голову, что у нее есть право на детство с пикниками в кругу сверстников, отдыхом у моря, веселыми днями рождения и прогулками в парке. Вместо пикников они ездили в Париж, где останавливались в «Ритце» или «Плаза-Атеней»; отдых у моря означал непременно Саутгемптон или Довиль, дни рождения отмечались в компании его друзей либо в нью-йоркском ресторане «21», либо в Беверли-Хиллз, в «Бистро», а прогулки в парке были редкостью. Отец настаивал, чтобы Беттина сопровождала его в нескончаемых прогулках на яхте какого-нибудь из его приятелей. На такую жизнь вроде бы жаловаться нечего, однако самые равнодушные из друзей Джастина частенько упрекали его в неподобающем воспитании дочери. Они говорили, что он многого ее лишает и ей, должно быть, очень одиноко рядом с отцом, который ведет холостяц-

кую жизнь со всеми вытекающими отсюда последствиями. Удивительно, что и в девятнадцать Беттине удалось сохранить блеск изумрудных глаз и простодушие, свойственное юности. Правда, порой в суждениях проскальзывала умудренность зрелой женщины — она успела многое повидать. В чем-то она оставалась ребенком в свои девятнадцать лет, а в чем-то была опытнее людей вдвое старше ее, поскольку им за всю свою жизнь вряд ли довелось увидеть столько роскоши и столько гнили.

Ее мать умерла от лейкемии, когда Беттине едва исполнилось четыре года. С портрета в столовой улыбалась голубоглазая блондинка. Кое-что от Татьяны Дэниелз перешло к дочери, но не много. Беттина не была похожа ни на Татьяну, ни на Джастина. От отца ей достались прекрасные темные волосы и зеленые глаза, да и то у Джастина волосы были черные, а у Беттины — каштановые, цвета выдержанного изысканного коньяка. И в отличие от высокого угловатого отца Беттина была хрупка и изящна, словно фея из сказки. В ее присутствии всегда возникала атмосфера особой нежности, даже сейчас, когда она расчесывала перед зеркалом послушные каштановые локоны.

Беттина взглянула на часы и сделала нехитрый подсчет. Двадцать минут. Как раз, чтобы успеть. Она быстро погрузилась в горячую ванну и с наслаждением расслабилась, наблюдая, как за окном медленно падает снег. Первый, ноябрьский снег.

Сегодняшний вечер тоже первый в недавно начавшемся сезоне. Поэтому надо, чтобы он прошел успешно. Так и будет. Не без ее стараний. Беттина мысленно пробежалась по списку приглашенных, обеспокоившись, не отложит ли кто-нибудь визит из-за снегопада, но решила, что это маловероятно. Званные вечера в доме ее отца считались очень престижными, приглашения ждали затаив дыхание — вряд ли кто-нибудь

упустит возможность побывать у Дэниелза, да еще подвергая себя риску впредь не получить приглашения. Для Джастина Дэниелза приемы являлись существенной частью его жизни. Он устраивал их не реже чем раз в неделю, если не работал над очередной книгой. Приемы славились изысканностью туалетов, присутствием знаменитостей, интересной программой. На званный вечер к Дэниелзам отправлялись как в сказочную страну. Это считалось событием.

Да и посмотреть было на что. Роскошная обстановка, чинные дворецкие, музыканты — пышностью это напоминало восемнадцатый век. Беттина на правах хозяйки скользила от группы к группе и, словно волшебница, всюду попевала вовремя. Она была душой таких вечеров — неуловимое, прекрасное, редкостное создание. Единственным человеком, не принимавшим всерьез незаурядность Беттины, был ее отец. Любая молоденькая женщина казалась ему не менее прелестной, чем его дочь. Такое небрежение давно задевало ближайшего друга Джастина, Айво Стюарта, который обожал его, но не мог смириться с тем, что тот не замечает, как изменилась с годами дочь, как она его боготворит, и не понимает, сколь много значат для нее внимание и доброе слово отца. Джастин лишь посмеивался в ответ на упреки Айво, покачивал головой и отмахивался от друга взмахом руки.

— Не смейся меня. Ей нравится то, чем она занимается. Для нее это наслаждение. Распоряжаться на приемах, устраивать шоу, встречаться с интересными людьми. Она бы очень смутилась, если бы я признался ей, насколько ценю ее помощь. Она и так знает. Да и кто не знает? То, что она делает, — великолепно.

— Ну так и скажи ей об этом. Бог мой, она и секретарь, и домоправительница, и рекламный агент. Обеспечивает все, что входит в обязанности жены, и даже больше.

— И лучше! — со смехом заметил Джастин.
— Я серьезно, — строго возразил Айво.
— Знаю. Кому, как не мне, знать, что ты чересчур печешься о моей дочери.

Айво не смел сказать Джастину, что не делал бы этого, если бы был уверен, что Джастин сам позаботится о Беттине.

А тот относился к жизни легко и непринужденно и этим сильно отличался от Айво, обстоятельно и трезво подходящего ко всему. Да разве мог вести себя легкомысленно издатель одной из крупнейших в мире газет, «Нью-Йорк мейл»? Кроме того, Айво был старше Джастина, который и сам давно вышел из юного возраста. Первая жена Айво умерла, со второй он развелся, оба брака были бездетными. Он намеренно не хотел детей, потому что считал несправедливым обрекать их на существование в этом сложном мире. И в свои шестьдесят два года не жалел об этом. Хотя, глядя на Беттину, он порой смягчался сердцем и спрашивал себя, не совершил ли он ошибку, оставшись бездетным. Правда, теперь это уже не имеет значения. Слишком поздно думать о детях. Он счастлив и по-своему свободен. Так же, как и Джастин Дэниелз.

Они ходили вдвоем на концерты, в оперу, в гости. Иногда улетали на уик-энд в Лондон, в июле любили отдыхать на юге Франции, встречались с многочисленными и не менее знаменитыми друзьями. Дружба Айво и Джастина была крепка. Оба умели прощать друг другу ошибки и позволяли выражать не только восторг, но и недовольство, поэтому Айво и не скрывал своего отношения к тому, как Джастин ведет себя с дочерью. Последний раз они говорили об этом за обедом в «Ля Кот Баск». Айво ворчал на Джастина:

— Если бы я был на ее месте, старина, я бы на тебя обиделся. Что она от тебя получает?

— Комфорт, поездки, дорогие наряды, высший свет...

Он был готов продолжать, но Айво оборвал его:

— Ну и что с того? Думаешь, ей только это надо? Ради Бога, Джастин, подумай о девочке. Она мила, прелестна, но живет в стране грез. Ей хочется стать писательницей, и она задумывается над всем, что видит. Так неужели ты в самом деле считаешь, что ей нужна вся эта показуха, без которой не можешь жить ты?

— Безусловно. Это окружает ее с раннего детства. — Джастин помнил, что сам он рос в бедности и первые миллионы сделал на книгах и сценариях. Бывали хорошие и плохие времена, иногда приходилось совсем туго, но всю жизнь он двигался в одном направлении — вверх. Роскошь, которой он себя окружил, была ему жизненно необходима, она напоминала о том, чего он добился. Посмотрев на Айво поверх чашечки крепкого кофе, он уверенно произнес: — Она не протянула бы и недели без того, что я ей даю.

— Не уверен. — У Айво было больше веры в Беттину, нежели у ее отца. Однажды она станет знаменитой, и, думая об этом, Айво всякий раз улыбался.

Беттина поняла, что надо поторапливаться. Она вылезла из ванны и завернулась в большое розовое полотенце. Платье было приготовлено заранее. Она выбрала великолепное платье из бледного розовато-лилового переливчатого шелка, которое, словно чешуя, сбегало с плеч до пят. Беттина надела шелковое белье, натянула узкое платье и бережно ступила в лиловые, в тон, босоножки с изящными золочеными каблукками. Платье само по себе просто блеск. Беттина не уставала любоваться им, пока взбивала перед зеркалом волосы цвета жженой карамели и накладывала на веки

10 тени того же розовато-лилового оттенка, что и

платье. Из драгоценностей она надела аметистовые ожерелье и браслет и бриллиантовые сережки-капельки. Затем бережно сняла с вешалки жакет из зеленого бархата и надела его поверх лилового шелкового платья. Жакет мерцал сиреневыми полосками и вкупе с платьем составлял настоящую симфонию красок от фиолетового до насыщенного зеленого, которым так славились мастера Ренессанса. Этот потрясающий туалет отец привез ей прошлой зимой из Парижа, но Беттина носила его с той же непринужденностью и простотой, что и потертые джинсы. Наглядевшись в зеркало и отдав должное роскошному наряду, она забывала о нем. И сейчас будет так же — ведь ей еще много надо сделать. Беттина оглядела уютную спальню, обставленную в провинциальном французском стиле, удостоверилась, что недогоревший камин прикрыт экраном, и последний раз посмотрела в окно. По-прежнему падал снег. Первому снегу всегда радуешься. Беттина улыбнулась и поспешила на нижний этаж квартиры.

Она проверила, как идут дела в кухне, и убедилась, что все готово. Столовая в их доме была настоящим шедевром. Беттина с нескрываемым удовольствием посмотрела на шеренгу канапе и строй серебряных блюд, расставленных всюду в преддверии праздничного пира. В гостиной тоже все было в порядке, а в кабинете отца, откуда по ее распоряжению вынесли всю мебель, репетировали музыканты. Слуги выглядели безупречно, а квартира — божественно: анфилада комнат с музейной обстановкой эпохи Людовика XV, каминными, облицованными благородным мрамором, бронзой в несметном количестве и инкрустированной мебелью, на которую можно было лишь взирать с благоговейным трепетом. Обивка стен — из дамасского шелка кремовых тонов и бархата цвета кофе с молоком, персикового и абрикосового оттенков. Квартира дышала теплом и очарованием, во всем проявлял- **11**

ся безукоризненный вкус Беттины, ее стараниями создавалось все это великолепиие.

— Бог мой, ты просто прелестна, дорогая.

Услышав голос отца, Беттина обернулась и с радостной улыбкой посмотрела на него.

— Это та вещица, что я привез тебе из Парижа в прошлом году? — спросил Джастин Дэниелз. Только ее отец мог назвать туалет от Баленсиаги, стоящий целое состояние, «вещицей».

— Да, папа. Я рада, что тебе нравится. — И, поколебавшись, добавила почти застенчиво: — Мне тоже нравится.

— Славно. Музыканты приехали? — Он уже успел заглянуть в недра обширного, отделанного деревянными панелями кабинета.

— Они репетируют. Готовы приступить в любую минуту. Хочешь выпить?

Джастин никогда не задумывался о том, чего ему хочется. Она держала это в голове за него.

— Не стоит торопиться. Господи, как я сегодня устал.

Он развалился в глубоком кожаном кресле, а Беттина тем временем пристально смотрела на него. Она тоже могла бы сказать, что устала. Сегодня пришлось встать в шесть часов, чтобы обговорить все детали вечернего приема. Полдевятого она отправилась в школу, а потом помчалась домой, чтобы принять ванну, переодеться и успеть проверить, все ли готово. Но об этом она не сказала отцу ни слова. И никогда не говорила.

— Ты начал новую книгу? — заинтересованно и почтительно спросила Беттина.

Отец кивнул и улыбнулся:

— Ты всегда внимательно следишь за моей работой.

— Конечно, — потупилась она.

12 — Отчего так?

— Я должна о тебе заботиться.

— И только?

— Конечно, нет. Твои книги прекрасны, я их очень люблю. — С этими словами она подошла к отцу, наклонилась и поцеловала его в лоб. — И тебя я очень люблю.

Джастин улыбнулся и мягко похлопал ее по плечу. Беттина встрепенулась, заслышав стук входной двери.

— Кажется, кто-то пришел. — Ей было беспокойно, потому что отец в самом деле выглядел усталым как никогда.

Через полчаса дом уже был полон гостей. Слышались смех, разговоры, звон бокалов. Все блистало остроумием, весельем, злословием, причем иногда эти качества сочетались в одном человеке. Совокупная длина вечерних платьев составила бы не одну милю, были представлены все цвета радуги, каскады всевозможных драгоценностей, ослепительно белые сорочки мужчин в черных смокингах были застегнуты запонками, украшенными жемчугом, ониксом, а то и маленькими сапфирами и бриллиантами. Среди присутствующих добрая сотня были знаменитостями, а остальные две — ничем не примечательными гостями, любителями шампанского, икры, танцев под оркестр, желающими взглянуть на знаменитого писателя и, если повезет, перекинуться парой слов с Джастином Дэниелзом и его окружением.

Беттина скользила между гостями, стремительная, изящная. Она неназойливо следила, чтобы все были представлены друг другу, чтобы не кончалось шампанское и было вдоволь закусок, чтобы отцу подали сначала виски, а уж потом бренди, и чтобы сигары всегда были у него под рукой. Когда он затевал легкий флирт с какой-нибудь дамой, Беттина старалась держаться на расстоянии. В то же время она не забывала проводить к нему важных гостей сразу по прибытии. Ей **13**

все удавалось с блеском. Айво считал, что нет никого прекраснее Беттины, во всяком случае на этом вечере. И он в который раз пожалел, что она не его дочь.

— Вижу, что ты не изменяешь себе, Беттина. Устала? Наверное, валишься с ног?

— Глупости, мне это нравится.

Однако Айво видел, что взгляд у нее слегка утомленный.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — предложила Беттина.

— Перестань ухаживать за мной как за гостем. Давай лучше присядем.

— Может быть, попозже?

— Нет, сейчас.

— Ладно, Айво, будь по-твоему. — Беттина посмотрела в его бездонные синие глаза. За многие годы она полюбила его доброе лицо.

Они прошли в уголок у окна, сели на диван и некоторое время молча смотрели, как падает снег. Потом Беттина вновь перевела взгляд на Айво. Густая белая шевелюра была на редкость хороша. Айво Стюарт всегда выглядел великолепно. Такой уж он был мужчина. Моложавый, высокий, стройный красавец с синими глазами, всегда готовыми подарить улыбку. А ноги — таких длинных Беттина не видела ни у кого. Ребенком она звала его Высоким Айво.

Беттина вдруг невольно нахмурилась и озабоченно спросила:

— Ты заметил, что папа сегодня выглядит очень устало?

Айво покачал головой:

— Нет, зато я заметил, что устало выглядишь ты. Что-нибудь стряслось?

Беттина улыбнулась:

— Ничего, если не считать экзаменов. И как

14 это ты все замечаешь?

— Просто я люблю вас обоих, а твой отец частенько ведет себя как старый олух и не видит дальше своего носа. Известное дело, писатели! Можно упасть замертво, а они перешагнут через тебя, говоря о концовке пятнадцатой главы второй части. Твой отец не исключение.

— Может быть, только он пишет лучше.

— Это, конечно, его оправдывает.

— Ему не нужны оправдания. — Беттина произнесла это очень мягко и сумела выдержать внимательный взгляд Айво. — Чудесно все, что он делает.

«Даже если он и не самый примерный отец, — подумала она, — но писатель-то он первоклассный!» Однако вслух Беттина никогда не рещалась произнести это.

— Ты тоже все делаешь чудесно.

— Спасибо, Айво. Ты всегда скажешь что-нибудь приятное. А теперь мне пора. — С этими словами Беттина неохотно поднялась и разгладила платье. — Возвращаюсь к роли гостеприимной хозяйки.

Веселье закончилось только в четыре утра. Когда Беттина медленно поднималась к себе в спальню, у нее ныло все тело. Отец уединился в кабинете с несколькими близкими друзьями, а ей пришлось потрудиться. Слуги в основном успели все привести в порядок, музыканты, получив гонорар, разошлись по домам, с прощальными поцелуями и благодарностями ушли последние гости. Мужья сопровождали закутаных в меха жен к лимузинам, которые все это время терпеливо ждали хозяев под падающим снегом. Подойдя к дверям своей комнаты, Беттина на минуту задержалась и посмотрела в окно. Было очень красиво: город казался мирным, тихим и белым. Постояв у окна, Беттина вошла в комнату и закрыла дверь.

Она бережно повесила плечики с туалетом от Баленсиаги в шкаф, надела ночную рубашку из **15**